

Л. М. Аржакова

«Польша, как это ни странно, — неведомая страна, *terra incognita*, для русского человека...»

Слова, вынесенные в название настоящей статьи, встречаем в Предисловии к изданному в 1914 г. сборнику «Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати)»¹, среди авторов которого были, в частности, П. Миллюков, А. Кизеветтер, А. Ледницкий. Развивая свою мысль, автор предисловия и редактор сборника Л. С. Козловский далее утверждал, что «до войны польским вопросом в России не интересовались, и когда появилось воззвание к полякам, говорящее о “растерзанном на куски теле Польши”, то лишь очень немногие, читая эти слова, могли себе представить хотя бы приблизительные очертания этого тела»². Если трудности составляло представление об очертаниях «тела» Польши, то не приходится, по-видимому, удивляться, что, как писал Козловский, «польский вопрос, выдвинутый на первую очередь европейской войной, представлялся чем-то в высшей степени неясным и туманным»³. Но следует ли беспокоиться редактора сборника по поводу того, что «книг по польскому вопросу на книжном рынке не оказалось и единственным источником, из которого читатель мог черпать сведения, были газетные статьи»⁴, воспринимать как упрек по адресу тех, кто вовремя не позаботился написать соответствующие — возникшим в настоящее время потребностям — книги? Трудно сказать. В любом случае в заданном контексте вполне правомерен вопрос о состоянии литературы, из которой заинтересованный читатель мог бы

Аржакова Лариса Михайловна
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

почерпнуть общую и специальную информацию о том, что являет собой Польша как неведомая земля и что такое польский вопрос.

Справедливости ради надо сказать, что польский вопрос и раньше вызывал (и, наверное, вызывает) немало сложностей при попытках определить его смысловую нагрузку, несмотря на то что как особое явление внутренней жизни России/Российской империи, включавшее в себя комплекс стереотипов в отношении Польши и поляков, он приобрел известную устойчивость уже к началу XIX столетия. Русские историки — кто в большей, кто в меньшей степени — касались этой проблемы, но мало кто брался дать определение тому, что есть польский вопрос, — собственно, даже не помышляя, что польский вопрос требует декодирования. Так, своей дефиниции польского вопроса не предложил М. П. Погодин, хотя на его счету два внушительных сборника статей — «Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867» (1868) и «Статьи политические и польский вопрос (1856–1867)» (1876). Пожалуй, только С. М. Соловьев лаконично и в то же время предельно точно заявил, что «польский вопрос родился вместе с Россией»⁵, тем самым обнаружив, что под польским вопросом он разумел едва ли не весь комплекс русско-польских отношений на протяжении длительного периода соседства Руси (России) и Польши (Речи Посполитой). Важно, что Соловьев не видел оснований ограничивать бытование польского вопроса в России исключительно пределами XIX столетия, как это в основном (с минимальными расхождениями) принято в старой и новой отечественной историографии⁶, но его трактовка польского вопроса не привлекает к себе особого внимания коллег по цеху и потому, как правило, остается без комментария⁷.

Вместе с тем понимание объема польского вопроса, близкое тому, какое было предложено С. М. Соловьевым, находим у профессора Варшавского университета И. П. Филевича, с одной стороны, подчеркнувшего непреходящее значение польского вопроса, который «представляет не минутную общественную злобу», ведь недаром он «обсуждался не только в горячее время... но и в мирное, спокойное; не только с практической стороны, но и чисто теоретически», а с другой стороны, сделавшего акцент на том, что «до сих пор в нем всегда оказывалось нечто, заставляющее опять и опять к нему возвращаться; а новые пересмотры вопроса всегда открывали в нем какие-нибудь новые стороны. Это черты, свойственные только крупным историческим вопросам»⁸. Нельзя не заметить, что И. П. Филевич в какой-то мере вторил Н. Н. Страхову, еще в 1863 г. указавшему на ключевое значение польского вопроса для России как вопроса рокового, ведь в нем «есть черта, которая дает ему страшную глубину и неразрешимую загадочность»⁹.

Действительно, этот «крупный исторический вопрос» не сходил с повестки дня ни внутренней, ни внешней политики Российской империи, не пропадал со страниц периодической печати, но, по сути, не имел решения, если учитывать различное отношение к нему с русской и польской стороны. Красноречивое (кто-то скажет — хрестоматийное) мнение одного из активных участников польского восстания 1830 г. Мауриция Мохнацкого, твердо уверенного в том, что Польша прошлого и Польша будущего есть «республика земель коронных, литовских и русских. В ином составе и сегодня мы ее не понимаем! Вековая Польша в извечных своих границах»¹⁰, — в полной мере дает представление о польской точке зрения.

Обострение польского вопроса нередко вызывало своего рода рефлексию у русских историков, будто спешивших выразить готовность — сознательно или подсознательно — принять удар на себя. Это явственно проявилось, например, в 1863 г., когда размышления по поводу «безуспешности» решения польского вопроса в России привели издателя и переводчика брошюры польского историка Иоахима Лелевеля к мысли, что причинами этого были — «наше общественное бессилие, безучастие, наша бездеятельность, а главное — наше незнание»¹¹. Прошло еще не одно десятилетие, пока российской исторической полонистике, — которая была призвана это «незнание» хотя бы отчасти минимизировать, — удалось добиться определенных успехов, однако на волне очередного обострения русско-польских отношений на вопрос, в чем «причины неудачи русско-польского примирения», снова прозвучал ответ, напоминавший ответ сорокалетней давности: «Главная из них заключается в полном взаимном незнакомстве и непонимании»¹². Констатация этого «незнакомства» и «непонимания» во многом побудила взяться за перо слависта А. Л. Погодина, решившего предложить своим соотечественникам — с целью одоления «незнания» — обзор главных течений политической мысли, сформировавшихся в польских землях с 1863 по 1907 г.

Кроме научной разработки польской проблематики, развернувшейся в России в XIX столетии, и того, что наряду с этим «писалась такая масса книг, брошюр и статей, что, разбираясь в этом публицистическом материале, решительно пришлось бы отодвинуть историков на второй план»¹³, на исходе XIX в. большое распространение получила литература научно-популярного либо сугубо популярного характера. Будто руководствуясь заявлением Александра II, что «счастье Польши заключается в полном слитии ее с народами моей империи»¹⁴, в свет выходит целая череда очерков о прошлом и настоящем польских земель. Среди книг подобного рода выделяется многотомное издание «Живописная Россия», где Царству Польскому был отведен один из томов, а польской истории до и во время разделов посвящены в нем специальные главы¹⁵. В конце XIX — начале XX в. встречались и более скромные издания (в том числе по объему), которые преследовали главным образом просветительские цели, как, например, брошюра «Из народоведения. Поляки. Чтение для народа» (1899), «Привислинский край» из серии «Приходская библиотека. Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения» (1904) или книга Е. Н. Водовозовой «Как люди на белом свете живут. Чехи — поляки — русины» (1905).

Другими словами, любознательному читателю — явись у него на то охота — нашлось бы что почитать о Польше и польском вопросе. Поэтому осторожные — пусть безадресные — упреки Л. С. Козловского из-за того, что «книг по польскому вопросу на книжном рынке не оказалось», скорее всего, можно считать беспочвенными. В то же время надо учитывать, что наличие как специальной, так и популярной литературы отнюдь не упрощало проблему и не гарантировало ответа, если можно так выразиться, на польский вопрос. Поэтому остается лишь признать сам факт: польский вопрос, под знаком которого Российская империя, как и российская историческая полонистика, всегда живо откликавшаяся на злобу дня¹⁶, пребывали на протяжении более ста лет, заявил о себе с новой силой в самом начале Первой мировой войны.

Столетие миновало с тех пор, как приступил к работе Венский конгресс, решения которого надолго определили судьбы разделенного польского народа и заложили фундаментальные основы отношений между Королевством Польским и Российской империей, нашедшие отражение в Конституционной хартии Королевства Польского, уже в первой статье которой, дублирующей содержание первой статьи Акта Венского конгресса¹⁷, было записано: «Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи»¹⁸. Собственно, одного этого было достаточно, чтобы настроить поляков на перманентное противостояние свершившемуся в настоящем и, как казалось (или ожидалось), неизменному в будущем характеру взаимоотношений между Россией и Польшей¹⁹.

На очевидную, но в военную годину почти не замеченную параллель между началом Первой мировой войны и столетием образования Королевства Польского в 1915 г. обратил внимание Н. И. Кареев в статье «Польский вопрос в историческом освещении»²⁰. Что касается полонистических занятий Н. И. Кареева, то, вернувшись из Варшавы (1885) и обосновавшись в Петербургском университете, он выпустил несколько монографий, посвященных польской истории, и после этого практически не возвращался к польским делам. Некоторые отголоски польской проблематики звучали разве что в его обзорных трудах по истории Европы и мира, например в книге «Поместье-государство и сословная монархия Средних веков», где Карееву хватило неполных двух страниц, чтобы охарактеризовать польский сейм²¹. Другим примером конспективного изложения драматичных событий польской истории — включенных в контекст «обзора внешних отношений, которые создали России ее теперешнее международное положение» — может служить монография «Общий ход всемирной истории»²². В этом смысле мало что менял и сборник «Полоника»²³, в котором Н. И. Кареев, реагируя на ситуацию, когда «по-видимому, наступает перемена к лучшему»²⁴, решил собрать под одной обложкой свои статьи, выходявшие в журналах и газетах с 1881 по 1905 г.

Иначе говоря, полонистические экзерсисы Н. И. Кареева после 1890 г. имели мало общего с тем, что было им сделано в монографиях 1886–1890 гг. Без преувеличения можно сказать, что польские труды Н. И. Кареева²⁵, вместе с основными монографиями Н. Н. Любовича²⁶, есть все основания рассматривать как высшее достижение российской исторической полонистики XIX в. Поэтому статье Н. И. Кареева в сборнике 1915 г., свидетельствующей о возвращении историка к польским делам, пусть временном, продиктованном обстоятельствами, следует отвести особое место в его полонистическом наследии, которое до сих пор изучено лишь фрагментарно (помимо прочего, в современной отечественной историографии значительный интерес вызывает исследование научных контактов ученого²⁷).

Обращает на себя внимание, что так называемый польский вопрос Н. И. Кареев считал нужным вынести уже в название статьи. Это тем более показательно, что намерение историка сводилось к тому, чтобы как можно дальше отойти от сегодняшнего дня, предложив читателю обзор исторического развития Польши на протяжении столетий, в контексте которого он как раз усматривал проявление/преломление польского вопроса. В более ранних своих трудах Кареев избегал частого использования словосочетания «польский вопрос» (способного вызвать негативные ассоциации), предпочитая выражаться более нейтрально и потому

говорил о «польских делах». К словосочетанию «польские дела» Кареев прибегал даже тогда, когда речь шла о насущных проблемах современности, как в серии статей под общим названием «Польские письма», где русский историк, всегда выступавший противником русификаторской политики и сторонником примирения с поляками, на конкретных примерах рассматривал отношение русского и польского общества к возможному движению навстречу друг другу²⁸.

Уже в самом начале статьи, в контексте рассуждений о международных обстоятельствах 1814–1815 гг., Кареев — почти между делом, как о само собой разумеющемся — говорит о «присоединении к России большей части этнографической Польши, образовавшей Царство Польское»²⁹. Получается, что Кареев если не совершенно расходился с традиционной для отечественной литературы трактовкой разделов Речи Посполитой, то по крайней мере заметно ее корректировал. Достаточно вспомнить известные слова Н. М. Карамзина о том, что «Монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством»³⁰, или утверждения М. П. Погодина, согласно которым в 1772, 1793, 1795 гг. «Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями»³¹, да и вообще, разъяснял историк, учитывая, что «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления. Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были невыгодные», естественно, что «России из упавшего здания достались только свои собственные древние материалы»³².

Н. И. Кареев, однако, не только пишет об участии России в разделах Польши, против чего всегда решительно выступал М. П. Погодин, он склонен был признать, что создание в 1815 г. Царства/Королевства Польского следует расценивать как очередной раздел польских земель, последовавший за тремя разделами XVIII в. Но и этого Карееву показалось недостаточно. Отстраняясь от проблем 1915 г. и увлекая за собой читателя, историк сначала оказывается в 1815 г., затем перемещается еще дальше на столетие, напоминая о том, как возникшие в Речи Посполитой разногласия дали повод Петру I в 1715 г. «вмешаться во внутренние дела польского государства и поставить его под опеку России»³³. Приходится признать, что данный тезис с незначительными отличиями ранее уже звучал в его монографии 1903 г., только там он был сформулирован несколько иначе: «Польша все еще оставалась большим государством. Его ослабили внутренние смуты, которые позволили России, в самом начале XVIII в., взять ее под свою опеку»³⁴. Значит ли это, что восприятие Кареевым польских событий двухвековой давности не претерпело изменений? Беды нет, если трактовка прошлого остается неизменной. Но, пожалуй, не в данном случае.

В отечественной историографии XIX в. и вплоть до новейшего времени принято возлагать ответственность за разделы Речи Посполитой на прусского короля Фридриха II. Так, в монографии 2002 г. П. В. Стегний подчеркнуто выражает согласие с традиционной для отечественной историографии точкой зрения об инициативной роли Австрии и Пруссии в расчленении Речи Посполитой³⁵ и вместе с тем, тоже в духе предшествующей традиции, не допускает мысли, что Россия

шла в фарватере прусской или австрийской политики. По его словам, российская императрица «уверенно “дирижировала” действиями своих союзников, видевших в ней как арбитра в их беспрестанных и предельно циничных препирательствах относительно размеров своих “долей”, так и гаранта необратимости всего процесса»³⁶. Как историку удастся примирить эти два, казалось бы, противоречащих друг другу заявления? Создается впечатление, что главное для современного автора — повторить то, что не способно, так сказать, подорвать основы, поэтому он напоминает: «Второй раздел Польши произошел вследствие исключительно неблагоприятной для России обстановки... Русская дипломатия была вынуждена...»³⁷, разделы «становились неизбежными»³⁸.

В 1915 г. Н. И. Кареев, насколько можно судить, видел свою задачу в другом. Он, напротив, признавал, что московское правительство, «еще с Ивана III, постоянно стремилось к отторжению от Польши земель, когда-то бывших русскими княжествами», а впоследствии, со времен Петра I, «русская политика добивалась по отношению к Польше одного — всю ее, Польшу, целиком держать в зависимости от России». Таким образом, Кареев приходил к заключению, которое одновременно вторило традиции и противоречило ей. Поскольку цель Екатерины II в польском вопросе состояла в продолжении польской политики Петра I, то, вынося историк вердикт, «разделы 1772, 1793 и 1795 гг. были, в сущности, прямо победою прусской политики над русской»³⁹, хотя давние замыслы московских правителей, тут же уточнял он, частично были реализованы, — русские земли вошли в состав Российской империи. Пожалуй, одно из ключевых отличий толкования процесса разделов Польши, какое находим у Н. И. Кареева, заключается в том, что Петербург, как он утверждал, не был заинтересован в разделах (если кто-то из историков и признавал это, то старался не акцентировать), желая сохранить контроль над всей территорией Речи Посполитой — как «русской» ее частью, так и «этнографической Польшей», по разделам доставшейся Австрии и Пруссии.

Примечательно, что истоки польского вопроса, по Карееву, в буквальном смысле слова теряются в глубине веков. И здесь восприятие историка совпадает не только с восприятием Соловьева, но и с восприятием польского поэта, принявшего как данность, что «описать запутанные истоки распри так же трудно, как причины застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице... и корни здесь уходят куда глубже двух последних веков»⁴⁰. Признанный мастер исторических обзоров и обобщений, Кареев кратко, но в то же время фиксируя важнейшие события, анализирует развитие польской государственности, усматривая начало вынужденного движения Польши на восток в политике Казимира III Великого, присоединившего в XIV в. к своим владениям Галицкую Русь. Не касаясь «причин внутренней слабости Польши, сделавших возможными ее разделы во второй половине XVIII в.», справедливо напомнив читателям, что эти вопросы получили детальное освещение в его монографии «“Падение Польши” в исторической литературе» (где доказательная база оказалась все-таки безупречной, на что в свое время обратил внимание польский историограф, отметивший, что, выступая «во имя исторической истины», Кареев фактически стремится оправдать политику Екатерины II и в результате «путается в противоречиях»⁴¹), Кареев подводит читателя к принципиально важному выводу.

Буквально в одной фразе расставляя все точки над *i*, Кареев четко передает смысл того, что произошло на излете века Просвещения: «Падение Речи Посполитой в конце XVIII столетия, рассматриваемое с точки зрения международной истории, было завершением векового процесса собирания Руси, с одной стороны, и крупным успехом *Drang nach Osten* — с другой. Наполеоновские войны, — продолжает затем историк, — внесли значительное изменение в данное положение: русским завоеванием созданного Наполеоном великого герцогства Варшавского и образованием из него Царства Польского в соединении с Россией германскому *Drang nach Osten* был нанесен удар, с которым в глубине души немецкие политики никогда не могли смириться»⁴². Конечно, трактовка Кареевым разделов Польши не стала новым словом в науке, продемонстрировав, что в целом он разделял официальную точку зрения на разделы Польши, однако, подчеркнув преобладание геополитических аспектов в этом процессе, он, что трудно не заметить, обошелся без романтических ссылок на этноконфессиональные мотивы, какие нередко звучали в русской историографии и публицистике XIX в.

Что касается представления Н. И. Кареева о преломлении польского вопроса в условиях военного времени, то здесь привлекает к себе внимание следующее. Кареев, похоже, был уверен, что «при создавшихся политических условиях отторжение Польши от России могло бы произойти только в форме присоединения к Германии или нового раздела между последнею и Австрией»⁴³. Подобное развитие ситуации, какое прогнозировал историк, приводило его к неутешительному для польского общества выводу: «О границах 1772 г. мечтать более не приходилось, лучшим средством сохранить свою национальность оставалось соединение с Россией»⁴⁴. Так что, как видим, позиция либерального историка Н. И. Кареева находилась строго в русле современной ему правительственной (не слишком, правда, последовательной) политики Петербурга в польском вопросе.

И еще один «тезис, не требующий доказательств»⁴⁵, как выразился Кареев, имея в виду возмущившее его возложение всей полноты ответственности за разделы Польши на Россию. Желая это опровергнуть, Кареев напоминал, что «инициатива раздела вышла от немцев, между которыми первоначально и была поделена сама польская нация, — однако, продолжал он, — главный *odium* со стороны поляков за этот раздел, за все то дурное, что претерпела с тех пор польская нация, пал на Россию. Ведь именно ей досталась львиная доля из общего наследия Речи Посполитой... Польским патриотам поэтому Россия казалась главным препятствием к восстановлению их отечества и потому вызывала наибольшее к себе нерасположение»⁴⁶. Отметим, что Кареев всего лишь воспроизводил весьма популярное в русской общественной мысли XIX в. мнение, выраженное, в частности, в знаменитом трактате Н. Я. Данилевского, где ученый подчеркивал, «что все, что было несправедливо в разделе Польши, — так сказать, убийство польской национальности, — лежит на совести Пруссии и Австрии, а вовсе не России»⁴⁷.

Таким образом, приведенные слова Кареева скорее убеждают в обратном: в том, что тезис на самом деле доказательств не требует. Во-первых, как раз упоминание о «львиной доле из общего наследия Речи Посполитой» обнаруживает цели, какие преследовала Российская империя, участвуя в разделах. Во-вторых, что касается инициативы раздела, то Кареев и сам ясно показал (следуя за

предшественниками), что инициатива прусской стороны не была бы реализована, не получи она поддержки с русской стороны. Кроме того, данный «тезис, не требующий доказательств», вполне отвечал духу другого тезиса, ранее сформулированного Кареевым, согласно которому «падение Польши... было завершением векового процесса собирания Руси». Следуя его же логике и памятуя о том, что в результате наполеоновских войн «германскому *Drang nach Osten* был нанесен удар, с которым в глубине души немецкие политики никогда не могли смириться»⁴⁸, получаем свидетельство того, что вторая из двух, изначально действовавших при падении Речи Посполитой движущих сил, обусловивших окончательный раздел Польского государства «с точки зрения международной истории», а именно «германский *Drang nach Osten*», поневоле отошла на второй план, уступив первенство — и, значит, «львиную долю» ответственности — Российской империи.

Тем не менее, будучи уверен, что «в настоящем возобладали те как раз силы, которые давно уже начали работу в смысле сближения обоих народов на почве общих политических, экономических и культурных интересов: среди этих сил свою роль сыграли надежды на возвещенное полякам лучшее будущее»⁴⁹, Н. И. Кареев был настроен вполне оптимистично. Но в смысле прозорливости историк оказался не на высоте, если и спустя год после воззвания верховного главнокомандующего он по-прежнему выражал надежду, что для всех поляков «заря новой жизни занимается»⁵⁰. Зато следует по достоинству оценить усилия Н. И. Кареева в том, что касается популяризации и разъяснения польской истории, заодно напоминая заинтересованному читателю об исторической подоплеке польского вопроса.

¹ Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати). М., 1914. С. VII.

² Предисловие // Война и Польша... С. VII.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Соловьев С. М. Европа в конце XVIII века // Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998. С. 200.

⁶ Аржакова Л. М. Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. № 3. 2014. С. 4–17.

⁷ Зато сходство с позицией русского историка прослеживается у польских авторов позапрошлого (Станислав Тарновский) и нынешнего (Катажина Блаховская) столетий. См., напр.: Tarnowski S. Nasze położenie polityczne // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. Kraków, 2002. S. 28; Błachowska K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 190.

⁸ Филевич И. П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 1–2.

⁹ Русский [Страхов Н. Н.]. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4. С. 152.

¹⁰ Mochnicki M. Powstanie narodu Polskiego w roku 1830 i 1831. T. 1. Warszawa, 1984. S. 61.

¹¹ Каширин Ф. От переводчика // Лелевель И. Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1863. С. I.

¹² Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. VI.

¹³ Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 172.

¹⁴ Цит. по: Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915. С. 176.

- ¹⁵ Царство Польское. Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петрковская Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Седлецкая губернии // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 4. Ч. 1. М., 1896.
- ¹⁶ *Аржакова Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.
- ¹⁷ Акт Венского конгресса // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXIII. 1815–1836. СПб., 1830. С. 146.
- ¹⁸ Здесь текст цитируется по изданию: Конституционная Хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 527.
- ¹⁹ Подробнее см., напр.: Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016.
- ²⁰ *Кареев Н. И.* Польский вопрос в историческом освещении // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 61–85.
- ²¹ *Кареев Н. И.* Поместье-государство и сословная монархия Средних веков: очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века. СПб., 1913. С. 300–302.
- ²² *Кареев Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903. С. 297–298.
- ²³ *Кареев Н. И.* Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905). СПб., 1905.
- ²⁴ Там же. С. V.
- ²⁵ *Кареев Н. И.*: 1) Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886; 2) Исторический очерк польского сейма. М., 1888; 3) «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888; 4) Польские реформы XVIII века. СПб., 1890.
- ²⁶ *Любович Н. Н.*: 1) История Реформации в Польше: кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883; 2) Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890.
- ²⁷ См., напр.: *Ростовцев Е. Н.* Н. И. Кареев и А. С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 105–121; *Филимонов В. А.* Н. И. Кареев и В. И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 174–188; *Мяжков Г. П.*, *Филимонов В. А.* Н. И. Кареев в 1899–1906 гг. «Досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 169–178.
- ²⁸ *Кареев Н. И.* Польские письма // Кареев Н. И. Polonica... С. 20–131.
- ²⁹ *Кареев Н. И.* Польский вопрос... С. 61.
- ³⁰ *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй // Карамзин Н. М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 290.
- ³¹ *Погодин М. П.* Об отношении Польши к России (исторические размышления) // Погодин М. П. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 2.
- ³² *Погодин М. П.* Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам // Погодин М. П. Польский вопрос... С. 31.
- ³³ *Кареев Н. И.* Польский вопрос... С. 61.
- ³⁴ *Кареев Н. И.* Общий ход всемирной истории... С. 298.
- ³⁵ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 53.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 30.
- ³⁸ Там же. С. 411.
- ³⁹ *Кареев Н. И.* Польский вопрос... С. 61–62.
- ⁴⁰ *Милош Ч.* Родная Европа. М.; Вроцлав, 2011. С. 119–120.
- ⁴¹ *Serejski M.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970. S. 388.

⁴² Кареев Н. И. Польский вопрос... С. 64–65.

⁴³ Там же. С. 71.

⁴⁴ Там же. С. 71.

⁴⁵ Там же. С. 82.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003. С. 40.

⁴⁸ Кареев Н. И. Польский вопрос... С. 64–65.

⁴⁹ Там же. С. 85.

⁵⁰ Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты... С. 10.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аржакова Л. М. «Польша, как это ни странно, — неведомая страна, *terra incognita*, для русского человека...» // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 130–141. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.109>

УДК 930

Аннотация: С началом Первой мировой войны снова заявил о себе польский вопрос, под знаком которого Российская империя пребывала на протяжении более чем столетия, но представления о котором в русском обществе были самые неопределенные. Чтобы прояснить ситуацию в том, что касается прошлого Польши и польского вопроса, за перо взялся видный русский историк Н. И. Кареев. В статье 1915 г. он изложил обстоятельства, в которых зарождался, развивался и проявлял себя в течение веков польский вопрос. То, каким образом Н. И. Кареев представил соотечественникам польский вопрос, свидетельствует, что его трактовка проблемы во многом сходится с трактовкой С. М. Соловьева, уверенного в том, что «польский вопрос родился вместе с Россией». Кареев не только поддерживал русскую историографическую традицию, но и корректировал ее. С одной стороны, он разделял официальную точку зрения на разделы Польши, с другой — подчеркивал преобладание геополитических аспектов в этом процессе, практически игнорируя романтические ссылки на этноконфессиональные мотивы, какие нередко звучали в русской историографии и публицистике XIX в. Данную статью Н. И. Кареева, который всегда выступал за примирение между русскими и поляками, можно расценивать как попытку ближе познакомить русского читателя с Польшей, которая оставалась *terra incognita*.

Ключевые слова: польский вопрос, российская историческая полонистика, разделы Польши, Н. И. Кареев, С. М. Соловьев.

Сведения об авторе: Аржакова Л. М. — д-р ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); l.arzhakova@spbu.ru

FOR CITATION

Arzhakova L. M. “Poland, Oddly Enough, is an Unknown Country, *Terra Incognita*, for a Russian Person...”, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 130–141. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.109>

Abstract: With the beginning of the First World War, the Polish question again declared itself, under the sign of which the Russian Empire was for more than a century, but the idea of which in the Russian society was most uncertain. To clarify the situation with regard to the past of Poland and the Polish question, the prominent Russian historian N. I. Kareev took up his pen. In his article of 1915, he outlined the circumstances in which the Polish question had originated, evolved and manifested itself over the centuries. How N. I. Kareev presented to compatriots, the Polish question, shows that his interpretation of the Polish question largely converges with the interpretation of S. M. Soloviev, confident in the fact that “the Polish question was born along with Russia”. Kareev not only sup-

ported the Russian historiographical tradition, but also corrected it. On the one hand, he shared the semi-official point of view on the partition of Poland, but on the other, stressed the predominance of geopolitical aspects in the process, almost ignoring romantic references to the ethno-religious motives, which are often heard in Russian historiography and journalism of XIX century. This article N. I. Kareev, who has always advocated reconciliation between Russians and Poles, can be regarded as an attempt to acquaint the Russian reader with Poland, which, according to one of them, there are currently terra incognita.

Keywords: Polish question, Russian studies in Polish history, partition of Poland, N. I. Kareev, S. M. Soloviev.

Author: Arzhakova L. M. — Doctor of History, Assistant Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); l.arzhakova@spbu.ru

References:

- Arzhakova L. M. 'Polskij vopros v Rossii XIX veka (traktovka i vremena voznikovenija)', *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. Istorija, no. 3, 2014.
- Arzhakova L. M. *Rossijskaja istoricheskaja polonistika i polskij vopros v XIX veke* (St. Petersburg, 2010).
- Błachowska K. *Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku* (Warszawa, 2001).
- Danilevskiy N. Ya. *Rossija i Evropa: Vzgljad na kulturnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k Germano-Romanskomu* (Moscow, 2003).
- Filevich I. P. *Pol'sha i pol'skij vopros* (Moscow, 1894).
- Filimonov V. A. 'N. I. Kareev i V. I. Gerie: opyt rekonstrukcii mezhluchnostnyh kommunikacij', *Istorija idej i vospitanie istoriej: Vladimir Ivanovich Gerie: sb. statej* (Moscow, 2008).
- God vojny s 19 ijulja 1914 g. po 19 ijulja 1915 g. Vysochajshie manifesty. Vozzvanija verhovnogo glavnokomandujushhego. Donesenija: ot shtaba Verhovnogo glavnokomandujushhego, ot shtaba glavnokomandujushhego Kavkazskoj armiej, ot Morskogo shtaba* (Moscow, 1915).
- Karamzin N. M. 'Istoricheskoe pokhvalnoe slovo Ekaterine Vtoroj', Karamzin N. M. *O drevnej i novoj Rossii: Izbrannaja proza i publicistika* (Moscow, 2002).
- Kareev N. I. 'Polskij vopros v istoricheskom osveshhenii', *Voprosy mirovoj vojny. Sb. statej* (Petrograd, 1915).
- Kareev N. I. "Padenie Polshi" v istoricheskoj literature (St. Petersburg, 1888).
- Kareev N. I. *Istoricheskij ocherk polskogo sejma* (Moscow, 1888).
- Kareev N. I. *Obshhij hod vseмирnoj istorii. Ocherki glavnejshikh istoricheskikh epokh* (St. Petersburg, 1903).
- Kareev N. I. *Ocherk istorii reformacionnogo dvizhenija i katolicheskoj reakcii v Polshe* (Moscow, 1886).
- Kareev N. I. *Polonica: sbornik statej po polskim delam (1881–1905)* (St. Petersburg, 1905).
- Kareev N. I. *Polskie reformy XVIII veka* (St. Petersburg, 1890).
- Kareev N. I. *Pomestie-gosudarstvo i soslovnaja monarkhija Srednikh vekov: Ocherk razvitija socialnogo stroja i politicheskikh uchrezhdenij v Zapadnoj Evrope v Srednie veka* (St. Petersburg, 1913).
- Kashirin F. Ot perevodchika. *Lelevel' I. Pol'sha i Ispanija. Istoricheskaja mezhdum nimi parallel' v XVI, XVII i XVIII stoletijah* (St. Petersburg, 1863).
- Konstitucionnaja Hartija Carstva Pol'skogo. *Pol'sha i Rossija v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830* (Moscow, 2010).
- Lyubovich N. N. *Istorija Reformacii v Polshe: Kalvinisty i antitrinitarii* (Warsaw, 1883).
- Lyubovich N. N. *Nachalo katolicheskoj reakcii i upadok reformacii v Polshe* (Warsaw, 1890).
- Mezh dvuh vosstanij. Korolevstvo Polskoe i Rossija v 30–50-e gody XIX v.*, Ed. by. S. M. Falkovich (Moscow, 2016).
- Miłosz C. *Rodnaja Evropa* (Moscow — Wrocław, 2011).
- Mochacki M. *Powstanie narodu Polskiego w roku 1830 i 1831*. Vol. 1 (Warszawa, 1984).
- Myagkov G. P., Filimonov V. A. 'N. I. Kareev v 1899–1906 gg. "Dosugovij diskurs" istorika', *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, Iss. 152, Vol. 3, no. 1, 2010.
- Pogodin A. L. *Glavnye techenija pol'skoj politicheskoj mysli (1863–1907)* (St. Petersburg, 1907).
- Pogodin A. L. *Istorija polskogo naroda v XIX veke* (Moscow, 1915).
- Pogodin M. P. *Polskij vopros: Sobranie rassuzhdenij, zapisok i zamechanij. 1831–1867* (Moscow, 1868).
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda*, Vol. XXXIII. 1815–1836 (St. Petersburg, 1830).
- Rostovcev E. N. 'N. I. Kareev i A. S. Lappo-Danilevskij: iz istorii vzaimootnoshenij v srede peterburgskikh uchenykh na rubezhe XIX–XX w.', *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, Vol. 3, no. 4, 2000.

-
- Russkij [Strahov N. N.]. Rokovoj vopros (Zametka po povodu pol'skogo voprosa). *Vremja*, no. 4, 1863.
- Serejski M. *Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne* (Warszawa, 1970).
- Soloviev S. M. 'Evropa v konce XVIII veka', Soloviev S. M. *Sochinenija*, Book XXII. *Dopolnitelnaya, Raboty raznyh let* (Moscow, 1998).
- Stegnij P. V. *Razdely Polshi i diplomatija Ekateriny II. 1772. 1793. 1795* (Moscow, 2002).
- Tarnowski S. Nasze potozenie polityczne, *Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań* (Kraków, 2002).
- 'Tsarstvo Polskoe. Varshavskaja, Kalishskaja, Keleckaja, Lomzhinskaja, Ljublinskaja, Petkovskaja Plockaja, Radomskaja, Suvalkskaja i Sedleckaja gubernii', *Zhivopisnaja Rossija. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii*, Vol. 4, Part 1 (Moscow, 1896).
- Vojna i Polsha (polskij vopros v russkoj i polskoj pečati): sb. statej* (Moscow, 1914).